

Фархад Карагусов,
директор Школы права и государственного управления Университета НАРХОЗ,
главный научный сотрудник НИИ частного права Каспийского университета,
академик Международной академии сравнительного права (IACL),
доктор юридических наук, профессор

Обоснованность и пределы имитации как способа необходимой рекодификации гражданского законодательства в Казахстане*

1. Необходимость существенной и системной модернизации законодательного регулирования отношений в области частного права уже не является предметом для обсуждений. В публичном доступе имеется целый ряд публикаций академика М.К. Сулейменова и возглавляемого им коллектива НИИ частного права, а также отдельных представителей юридического сообщества (в том числе и автора данного выступления), в которых подчеркивается насущная потребность в надлежащем решении этого вопроса, указываются подлежащие обновлению правовые институты и предлагаются конкретные способы и варианты такого обновления.

Дискутируется вопрос о том, в какой форме должна быть проведена такая модернизация, и кто должен быть основным действующим лицом этой модернизации. И на сегодня предложены, по крайней мере, по два варианта в решении этих двух дискуссий.

В частности, по вопросу о форме модернизации выявляются два варианта – рекодификация (как разработка и принятие новой редакции Гражданского кодекса (ГК)) или внесение обширных изменений и дополнений в действующий ГК.

Относительно основных акторов процесса этой модернизации разногласия видятся в понимании ролей государственного аппарата и научного сообщества цивилистов (специалистов в области частного права).

В рамках этого выступления не усматривается особой целесообразности в каком-то детальном анализе позиций разных сторон, как нет и возможности для этого. Отмечу только одно: в недавних публикациях, осуществленных в связи с включением в июне 2026 года целого ряда ученых-цивилистов в состав созданной Министерством юстиции Республики Казахстан еще в сентябре 2024 года Межведомственной рабочей группы по вопросам совершенствования гражданского законодательства, мы поддерживаем целесообразность рекодификации частного права Казахстана и предлагаем наиболее важные направления такой рекодификации.¹ В этом контексте важнейшее значение имеет публикация академика М.К. Сулейменова относительно того, «какими силами и с помощью какой процедуры обеспечивается процесс рекодификации».²

¹ См. Предложения членов Межведомственной рабочей группы по совершенствованию гражданского законодательства от Университета НАРХОЗ (относительно проекта новой Концепции правовой политики по вопросам совершенствования гражданского законодательства и в проект новой редакции Гражданского кодекса Республики Казахстан), интернет-ресурс https://prg.kz/lawyer/document/?doc_id=33609294&searchId=b961f6da-84b9-41ff-aa81-fa2291931a4e&wp=0&we=1&pos=59;63 [03.08.2026 г.]; а также «Нархоз» Университетінің – Азаматтық заңнаманы жетілдіру жөніндегі ведомствоаралық жұмыс тобы мүшелерінің ұсыныстары (Құқықтық саясат тұжырымдамасының азаматтық заңнаманы жетілдіру мәселелері жөніндегі жаңа жобасына және Қазақстан Республикасы Азаматтық кодексінің жаңа редакциясының жобасына қатысты), интернет-ресурс https://online.prg.kz/document/?doc_id=37228234 [27.07.2026 ж.].

² См. Сулейменов М.К. Гражданский кодекс Республики Казахстан: рекодификация или модернизация?, интернет-ресурс https://prg.kz/lawyer/document/?doc_id=39777736&searchId=6623f6e5-e250-4f47-ad3a-bcd0429233b3&wp=0&we=1&pos=3;67 [03.08.2026 г.].

В данном случае акцентируется внимание на то, что в этом вопросе мы с нашим учителем академиком М.К. Сулейменовым разделяем одну и ту же нравственную, методологическую и научную позицию.¹ Как я понимаю из содержания его вышеуказанной статьи, у нас одинаковая точка зрения, заключающаяся в том, что необходимость концептуальной модернизации казахстанского гражданского законодательства является очевидной; модернизация казахстанского гражданского законодательства должна быть системной и комплексной, и поэтому целесообразным является ее осуществление в форме рекодификации; эта рекодификация гражданского права Казахстана должна иметь конкретные ориентиры, и (как любая подобная модернизация законодательства) должна основываться на продуманной и однозначно сформулированной концепции этой рекодификации, а обязательной частью подготовки такой концепции рекодификации должна стать окончательная «десоветизация» нашего ГК, глубокое и всестороннее изучение иностранного опыта в развитии национальных правовых систем частного права; и ГК, и его концепция должны быть разработаны преимущественно цивилистами - специалистами в области частного и международного частного права из числа авторитетных казахстанских ученых с весомым опытом проведения научных и сравнительно-правовых исследований, экспертной и законопроектной деятельности, международного сотрудничества и разрешения экономических споров.

Различие в позициях заключается лишь в том, что академик М.К. Сулейменов не верит, что государственный аппарат откажется от прямого вмешательства в подготовку концепции рекодификации и, на ее основе, проекта модернизированного ГК, а также не уверен в том, что государство поддержит предлагаемые нами подходы к рекодификации. В связи с этим он предлагает «ограничиться модернизацией ГК, внося в основном точечные, в том числе и концептуальные, изменения в действующий ГК, сохранив при этом его основные структуру и содержание». Мы же (может быть, и наивно) надеемся быть услышанными государством и готовы в плотном взаимодействии с М.К. Сулейменовым играть центральную роль в необходимой модернизации частного права современного Казахстана.

2. Все эти предыдущие годы размышляя о необходимости проведения и содержании упомянутой рекодификации, я учитывал не только зарубежный опыт, но и исторический путь, который проделала наша национальная правовая система, какие юридические инновации создавались, как заимствовались или иным способом воспринимались юридические конструкции и модели иностранного права, насколько обоснованной является идея формирования в Казахстане смешанной правовой системы, насколько некоторые новеллы

¹ Считаю важным это подчеркнуть в связи с тем, что в одной из недавних публикаций прозвучало заявление, которое может быть неправильно понято широкой общественностью, поскольку ее автор утверждает, что «одна из последних работ над совершенствованием ГК показала наличие довольно серьезных разногласий между некоторыми сотрудниками НИИ ЧП. При этом разногласия имели существенный, можно даже сказать непримиримый характер» (см. Скрыбин С.В. О разработке новой Концепции правовой политики Республики Казахстан в сфере частного права и возможных изменениях Гражданского кодекса. Интернет-ресурс https://prg.kz/lawyer/document/?doc_id=33717596&searchId=bda3100d-8b34-413d-8b00-dc9adc90517d&wp=0&we=1&pos=3;67 [03.08.2026 г.]).

Да, коллектив НИИ не согласился с некоторыми его предложениями о внесении каких-то изменений и дополнений в действующий ГК (как большинством мнений наш коллектив принимает или не принимает предложения других своих коллег по НИИ). Но в вопросе о целесообразности рекодификации частного права Казахстана мы с академиком М.К. Сулейменовым разделяем одну и ту же точку зрения.

Что касается выраженного С.В. Скрыбиным в этой же публикации скептического отношения к нашему мнению о «возможной его [проекта нового ГК] разработке на государственном языке», то, во-первых, эта его позиция о языке написания проекта ГК нуждается в его же дополнительных пояснениях, а во-вторых, она может быть (в том числе с учетом таких его возможных пояснений) предметом публичных обсуждений с участием заинтересованных сообществ и организаций.

конституционного уровня направлены на развитие именно национального права, и многое другое.

В этой связи, в рамках подготовки к предстоящему Конгрессу Международной академии сравнительного права (IACL) я (самостоятельно или в соавторстве с моими коллегами) участвую в подготовке трех монографий, связанных с рассмотрением вопросов об имитации в праве как способе улучшения национальной правовой системы, развитии теории смешанных юрисдикций и формировании в нашей стране международного коммерческого суда.¹ В рамках всех этих трех исследований для меня центральным является вопрос о будущем казахстанского права.

В частности, при рассмотрении вопроса о международном коммерческом суде в Казахстане, мы с моим уважаемым соавтором (в числе других выводов) вынуждены констатировать, что создание Суда Международного финансового центра «Астана» (МФЦА) с определенными серьезными оговорками может рассматриваться как возникновение международного коммерческого суда в Казахстане, но не как такого суда Республики Казахстан. Мы признаем определенную успешность деятельности Суда МФЦА за период, истекший с момента его создания в 2018 году. Но мы также полагаем, что само создание и функционирование Суда МФЦА с самого начала не имело целью реформирование судебной системы (или осуществление любых положительных изменений в ней) именно Республики Казахстан как суверенного государства и самостоятельной юрисдикции. К сожалению, мы не видим и того, чтобы казахстанская система отправления правосудия (как, впрочем, также Администрация и Суд МФЦА) демонстрировала намерения к гармонизации с юрисдикцией МФЦА принципов построения судебной системы и собственно отправления правосудия для хоть как-то заметного повышения качества разрешения споров и защиты прав.

3. В свою очередь, обращаясь к вопросу о генезисе, состоянии и перспективах развития национальной правовой системы, мы с другим моим уважаемым соавтором принимаем во внимание мнение академика М.К. Сулейменова о том, что с созданием на территории нашей страны МФЦА «с действующим в его пределах английским правом Казахстан приобрел черты локальной гибридной смешанной юрисдикции».²

Однако, мы считаем, что в Казахстане функционируют две параллельно существующие юрисдикции, но нет оснований для признания существования смешанной юрисдикции Республики Казахстан.

При проведении своего исследования мы понимаем, что, согласно авторам соответствующих глав Энциклопедии международного частного права, понятие «юрисдикции» (буквально - как правомочия указывать, что является правом) представляет собой самую важную и самую сложную концепцию международного частного права, и придерживаемся точки зрения о том, что в контексте применения понятия «смешанной юрисдикции» в качестве таковой правовая система функционирует за счет реализации трех ее ключевых составляющих – суверенной власти создавать национальные законы и определять их содержание, права нации применять свои национальные законы и обеспечивать их применение (в том числе посредством побуждения, понуждения или принуждения к соблюдению национального права), а также власти национальных судов разрешать дела и споры на основе национального права.³

Мы также признаем позицию профессора Вернона Палмера, что появление смешанных юрисдикций является результатом определенного исторического процесса, обусловленного, с

¹ См. IACL General Congress 2026, интернет-ресурс <https://iacl.hu-berlin.de/congress-programme>.

² См. Сулейменов М.К. Нормы гражданского права: Монография. Алматы, 2025. – 720 с. С. 488 – 293.

³ См. Encyclopedia of Private International law; Basedow J., Rühl G., Ferrari F. and Asensio P. de M., eds.; Edward Elgar, 2017; vol.2; 1042 – 1055.

одной стороны, потребностями народной культуры сохранить свой язык, религию, исторический опыт и, не в последнюю очередь, свои старинные законы и обычаи, а с другой стороны, намерениями господствующей политической силы, которая оценивает целесообразность, издержки и выгоды в сохранении на данной территории той народной культуры во всех ее выражениях; и в любом случае – ни одна смешанная юрисдикция никогда не создается случайно или как щедрый подарок со стороны.¹

С учетом такого понимания в числе наших наблюдений мы предлагаем свое мнение о том, что взаимовлияние казахского обычного права (Адата / Эдет) и шариата привело к возникновению в первой половине XIX века своего рода конвергированного права казахов, но не смешанной юрисдикции; в то время как ситуация, сложившаяся во второй половине девятнадцатого столетия, свидетельствует о том, что в тот период появились предпосылки для формирования именно смешанной юрисдикции в Казахстане (согласно наиболее распространенному пониманию содержания и исторических условий развития этой концепции), оформление которой уже в XX веке было предотвращено установлением в Казахстане советской власти.

В свою очередь, если создание МФЦА и права МФЦА на основе английского права изначально не было направлено на развитие современной казахстанской правовой системы, то и сегодня является очевидным, что масштабирование юрисдикции и опыта МФЦА может показаться как целенаправленные действия по своеобразному «замещению» сложившегося казахстанского права на основе правовых традиций континентальной Европы другой правовой системой, не имеющей исторических корней в культуре и традициях нашего народа. Приведет ли это к замене нашей правовой системы (в частности, к включению ее в правовую семью общего права) или к ее трансформации в смешанную юрисдикцию, покажет время. Но и перед правовой наукой стоит задача по выработке принципов и методологии формирования смешанной юрисдикции в современных условиях исторического функционирования правовых систем гражданского кодекса и писаного права.

4. В рамках третьего из упомянутых исследования при подготовке к упомянутому Конгрессу IACL внимание уделено тому, как наиболее эффективно использовать иностранный опыт правового регулирования для улучшений казахстанского права и совершенствования нашей правовой системы в целом.

В предшествующее десятилетие особое внимание компаративистов и историков права (на международном уровне, но, к сожалению, не в казахстанском праве) привлекает концепция «имитации» (подражания), которая рассматривается как особый способ перемещения права в пространстве, времени и сознании от одного общества к другому. По сути, феномен имитации имеет место при трансграничном перемещении права, и она рассматривается как особый способ развития национального права с использованием достижений зарубежных юрисдикций, но противопоставляется таким другим известным процессам восприятия иностранных образцов, как правовые трансплантаты, заимствование, перемещение, импортирование. В то же время понятие имитации достаточно узкое, что позволяет чётко отличать её от других случаев распространения или переноса права, особенно от процесса заимствования.

В частности, имитация зарубежных правовых моделей имеет место, когда центры принятия политических и правовых решений принимающего общества (государства) добровольно стремятся воспроизводить — на постоянной основе и настолько точно, насколько это необходимо — средства, результаты и, как правило, цели той модели, которую они особенно ценят. Чтобы такое движение права между обществами могло называться имитацией, оно

¹ См. Palmer V.V. A descriptive and comparative overview. In: Palmer VV, ed. *Mixed Jurisdictions Worldwide: The Third Legal Family*. Cambridge University Press; 2012; 19 – 92.

должно соответствовать четырем критериям, выделяемым профессором М. Гутаном. При этом он подчеркивает, что «копирование» становится лишь техническим приёмом в процессе имитации, но и упомянутые четыре критерия не являются отдельными последовательными этапами одного и того же процесса имитации, хотя в них и прослеживается определённая временная последовательность (поскольку за сознательным, добровольным решением подражать следует воспроизведение правовых текстов, за которым, в свою очередь, следует постоянное воспроизведение правовых моделей поведения и практик). С учетом этого М. Гутан предлагает под имитацией понимать как процесс, включающий идентификацию, понимание и оценку образца, за которыми следует его более или менее точное воспроизведение в принимающем обществе.¹

Профессор Гутан также подчеркивает, что намерение субъектов права подражать той или иной правовой модели лежит в основе каждого случая правового подражания, и выделяет следующие три фактора, которые определяют намеренную имитацию права: (i) неудовлетворенность субъектов права правовым, социальным, экономическим и политическим положением своего общества в целом, текущей государственной политикой или отсутствием такой политики, содержанием, согласованностью, объемом законодательства, качеством и эффективностью действующего законодательства или отсутствием каких-либо решений, а также, в частности, своими профессиональными навыками и стандартами; (ii) потребность в изменениях и (iii) осведомленность о правовых решениях, существующих в других обществах.

Ознакомление с современной теорией имитации в праве в изложении профессора М. Гутана (солидарность с которой я в данный момент подчеркиваю) позволяет выделить важные особенности имитации для того, чтобы ее применение служило достижению цели именно улучшения национальной правовой системы Казахстана (и не только):

(i) добровольность имитации: любое принудительное подражание не является имитацией в полном смысле этого слова, ибо представляет собой правовое навязывание или правовой империализм (в истории казахского народа такими прецедентами принудительного / имперского насаждения иностранного права можно назвать попытки распространения русского права взамен системы обычного права казахов во второй половине XIX века, а также тотальное внедрение и функционирование в нашей стране советского права в течение периода с 1921 года до обретения Казахстаном государственной независимости; эти примеры, очевидно, не могут нами рассматриваться как паттерны для совершенствования нашей суверенной правовой системы);

(ii) имитация – это всегда сознательное и целенаправленное усилие всех участников процесса развития национального права: по утверждению М. Гутана, это понятие может адекватно отражать процесс правового подражания, осуществляемый разработчиками конституций, законодателями, политиками, судьями, учеными и юристами (в содержании второго из этих критериев объединяется существенность двух факторов – политической воли и интеллектуальной работы соответствующих представителей юридической профессии – во взаимопонимании, взаимодействии и на основе разделяемых ценностей и подходов);

(iii) необходимо четкое намерение имитировать с ясными для всех заинтересованных сторон мотивацией и целями политиков, усматривающих целесообразность в подражании: такое намерение должно находить однозначное выражение в политических программных установках на государственном уровне, и такая декларация намерений должна сопровождаться ясной мотивацией, и

¹ См. Gutan M., The Concept of “Imitation” and its Epistemological Relevance in Comparative Law and Comparative Legal History. In: The Journal of Comparative Law, TALBOT Publishing, vol. 19, Issue 1 (Special Issue: Kresin O. ed., Worldview of Comparative Law), 259 – 309.

(iv) реализация политического намерения должно осуществляться специалистами и экспертами в области права, с которыми центр принятия соответствующего политического решения должен взаимодействовать на каждом этапе от формирования намерения и формулирования мотивации до имплементации этого намерения: как отмечает М. Гутан, под имитацией понимается идентификация, понимание и оценка образца, за которыми следует его более или менее точное воспроизведение в принимающем обществе (национальной правовой системе); круг акторов, акторов участвующих в имитации, не может быть случайным; всю эту работу надлежащим образом могут сделать только профессионалы в соответствующей области права (но не структуры политической власти и государственный аппарат).

В этой связи думается, что, если выявление наличия первых двух факторов относится к сфере компетенции (и ответственности) государственной власти, то наличие третьего и четвертого обеспечивается компетентностью государственного истеблишмента, а также отечественных правоведов и других юристов, требуя существования постоянного, взаимоуважительного и открытого диалога между государственным аппаратом и профессиональным сообществом.

Таким образом, имитация может рассматриваться как процесс развития национального права, осуществляемый намеренно и добровольно по решению принимающей правовой системы и представляющей системную интеллектуальную работу юридического сообщества для того, чтобы скопированные идеи и юридические тексты, а также правовые конструкции соответствовали и имитируемой модели, и целям развития национальной правовой системы.

5. В нашей истории мы имеем многочисленные примеры громко заявленных намерений при отсутствии разъяснения мотивов, лежащих в их основе. Вкупе с игнорированием мнения экспертного юридического сообщества это приводило либо к краху самой идеи (например, об «имплементации британского права», создании Регионального финансового центра Алматы, регулировании нормами ГК сферы сугубо профессиональной деятельности с созданием заведомо не имеющих правового эффекта норм о финансовых инструментах, сделках репо и др.) либо к ее воплощению с явным ухудшением качества правового регулирования (как, к примеру, изменения в ГК относительно недействительных сделок, принятие Предпринимательского кодекса и др.).

В то же время у нас есть и примеры, которые можно с большой долей достоверности назвать успешной имитацией (хотя и с определенными оговорками).

Наверное, к таковым можно отнести действующий ГК (по крайней мере, в первоначальной редакции обеих его частей). Общеизвестным является факт разработки казахстанского ГК, имитируя структуру и содержание Модельного ГК для стран СНГ. ГК был разработан казахстанскими учеными-цивиристами и под непосредственным патронажем Президента Республики Казахстан Н.А. Назарбаева принят на основе четко заявленных на высшем политическом уровне намерений и объясненной мотивации в принятии именно такого ГК. Оговоркой в этом случае является то, что, согласно предлагаемому выше пониманию имитации, она предполагает преследование целей соответствия качеству более престижной юрисдикции, имплементацию принятых в ней правовых идей и имитацию ее юридических текстов, в то время как сам Модельный ГК был создан объединенными усилиями цивилистов большинства бывших советских республик на основе разделяемой политическим руководством всех этих стран цели его принятия. Однако, принимая во внимание его создание при организационном и методологическом доминировании российской государственной политики и цивилистической школы, как и ряд других обстоятельств (включая политические и социально-экономические результаты действия ГК в течение всего периода с момента его принятия), представляется достаточно обоснованным называть его успешным проектом имитации в частном праве Казахстана.

Другим проектом имитации можно назвать Конституцию Республики Казахстан 1995 года, созданную по инициативе Главы государства в основном учеными-правоведами с участием французских и российских экспертов. За 30 лет, в течении которых эта Конституция являлась Основным законом Республики Казахстан, стала вполне ясной и мотивация верховной власти в ее разработке и принятии именно в таком виде, как она была предложена на референдум 30 августа 1995 года (думается, что эта мотивация и обусловила невысокий уровень содержательного качества самой такой имитации в контексте обеспечения достижения цели построения демократического, правового и социального государства).

Рассматривая пример казахстанской Конституции 1995 года через призму юридического подражания, представляется целесообразным обратить внимание на то, что имитация престижных правовых систем может быть полной или частичной, во втором случае позволяя принимающей социально-политической и правовой системе оставаться источником каких-то правовых инноваций. При этом, как профессор Гутан обращает внимание, на то, что если прежде термины «частичная», «избирательная», «модифицированная», «слепая», «дословная» и «идентичная» обычно относились к текстовому результату процесса имитации, сегодня целесообразным было бы исходить из того, что имитация должна определять именно масштаб самого процесса имитации.

Иными словами, даже частичная имитация должна служить достижению того уровня социального развития, который явился результатом применения имитируемых норм и концепций в оригинальной юрисдикции. Она не должна превратиться в результат выборочного восприятия отдельно отобранных норм какого-либо концептуально единого правового института. Конечно же, практика показывает, что это возможно; но это, во-первых, нельзя назвать имитацией, а во-вторых, это чаще всего не позволяет достичь целей даже сближения с уровнем и/или качеством имитируемой юрисдикцией. В любом случае, сегодня ясно, что принимаемая конституция страны, которая объявляет своим ориентиром функционирование демократического, правового и социального государства, высшими ценностями которого являются человек, его жизнь, права и свободы, не должна служить инструментом для формирования авторитарного политического режима, сохранения экономики с доминированием государственного участия в ней и широкими возможностями директивного государственного вмешательства в экономические процессы. Избирательная (не частичная) имитация, в результате которой правовые идеи и конструкции несистемно отражаются в законах принимающей юрисдикции приводит к недостижению социально-политических целей собственно такой имитации и развития нации в целом.¹

¹ В этой же связи видится необоснованной происходящая в ряде национальных правовых систем своего рода апроприация юристами теории так называемой «конституционной экономики» (как и замещение или сужение ими объекта исследований). В частности, представляется необоснованными как признание этой дисциплины в качестве междисциплинарной («на стыке экономики и права»), так и некорректное изменение обусловленности причины и следствия, выразившееся в положенном в обоснование этой междисциплинарности таком объяснении, что «конституционная экономика отражает всевозрастающее понимание, что решение проблем государственного регулирования экономики нужно находить исходя не только из экономической целесообразности, но и из реалий конституционной структуры государства. Поэтому конституционная экономика традиционно характеризуется как научное направление, изучающее принципы оптимального сочетания экономической целесообразности с достигнутым уровнем [подчеркнуто Ф.К.] конституционного развития, отраженным в нормах конституционного права, регламентирующих экономическую и политическую деятельность в государстве» [см. Конституционная экономика, интернет-ресурс https://ru.wikipedia.org/wiki/Конституционная_экономика]. В связи с этим, более обоснованным и целесообразным видится понимание конституционной экономики в научных доктринах демократических обществ Запада (где эта теория, собственно, зародилась и развивается) как отрасли знаний, относящейся к объекту исследований политэкономии и заключающейся в применении методов и техник экономического анализа для изучения того, каким может быть сформирован социально-политический порядок, какие правила должны регулировать общественные отношения и взаимодействия, а

В этом контексте наиболее успешной имитацией в Казахстане можно назвать формирование МФЦА как самостоятельной юрисдикции со своей системой формирования правовых норм, правоприменения и разрешения споров на основе английского права. МФЦА и право МФЦА является практической имитацией английской правовой системы. Проблема, однако заключается в том, что они были созданы не для совершенствования казахстанского права и не для развития казахстанской правовой системы, а, по сути, игнорируя их функционирование. Параллельное существование этих двух правовых систем и юрисдикций на территории Казахстана представляется нецелесообразной. Объективность законов общественного развития в какой-то момент (и очень скоро, если не уже) потребует принятия политического решения либо о полном замещении действующей правовой системы Казахстана новой системой, имитирующей юрисдикцию общего права, либо формирования смешанной юрисдикции в Казахстане (для чего потребуются создание адекватной правовой теории и методологии формирования новых смешанных юрисдикций), либо развития, например, частного права как права конвергированного (с применением известных методов гармонизации, заимствования и т.п.).

В любом случае, с учетом того, что эффективность и качество казахстанского законодательства в настоящее время является предметом оживленных диспутов, а доверие к казахстанским системам правосудия и правоприменения сохраняется на недостаточно высоком для целей устойчивого развития уровне, было бы целесообразным разработать, принять и реализовать комплексную программу совершенствования именно казахстанской правовой системы, в том числе применяя имитацию апробированных на глобальном уровне правовых решений и оставляя пространство для гармонизированных с ними отечественных правовых инноваций с учетом целей социально-экономического и политического развития Казахстана.

08 августа 2026 г.

[*в качестве основы для выступления на Международной научно-практической конференции (в рамках ежегодных цивилистических чтений) «Гражданское право Республики Казахстан: история, теория, практика», посвященной 85-летию директора НИИ частного права Каспийского университета, председателя Казахстанского Международного Арбитража, старшего партнера юридической фирмы «Зангер», академика Национальной академии наук Республики Казахстан, доктора юридических наук, профессора М.К. Сулейменова (Казахстан, г. Алматы, 1-2 октября 2026 г.)]

также каким должен быть дизайн правовых норм для осуществления политических преобразований (см. Brennan G. and Hamlin A. (2002). Constitutional Economics. In: Newman, P. (eds) The New Palgrave Dictionary of Economics and the Law. Palgrave Macmillan, London. https://doi.org/10.1007/978-1-349-74173-1_80). В частности, думается, что в контексте этой теории содержание и структура Конституции должны определяться действующими политиками и специалистами в области политической экономики на основе свободно сформированного общественного консенсуса относительно фундаментальных идей, закладываемых в ее содержание, а роль юристов здесь заключается в точном отображении политического видения народа, политических и социально-экономических целей развития страны (а не имеющихся результатов такого развития, как отмечается в российских правовых источниках согласно русскоязычной Википедии). Это обусловлено объективными обстоятельствами, игнорирование которых возложением задачи по подготовке проекта Конституции и ее оформлению только на контролируемых государственным аппаратом юристов неизбежно (по крайней мере, чаще всего) приводит к использованию впоследствии принятой Конституции для необоснованной централизации государственной власти и обслуживания личных интересов контролирующей систему государственного управления персон и их окружения.